

УДК 81'33

В.И. Жельвис

КАТЕГОРИЯ ГРУБОСТИ КАК АНТИТЕЗА ВЕЖЛИВОСТИ

V.I. Ghelvis

CATEGORY RUDENESS AS THE ANTITHESIS COURTESY

Автор анализирует языковую категорию грубости как проявление влияния общества на язык, так как грубость является социально востребованным феноменом. В статье выявляются и описываются в социолингвистическом и психолингвистическом аспекте несколько разновидностей языковой грубости.

The author analyzes the linguistic category of rudeness as a manifestation of the influence of society on the language, as rudeness is socially popular phenomenon. The paper identifies and describes in psycholinguistic and sociolinguistic aspects of several varieties of the language rudeness.

Ключевые слова: грубость, вежливость, речевая агрессия, языковая категория, лингвокультура

Keywords: rudeness, courtesy, verbal aggression, language category, lingvoculture

«Ты произнёс свои слова так, как будто ты не признаёшь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени?»

М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита

Если феномену вежливости в научной литературе уделено большое место (см. Ларина 2009, Brown and Levinson 1987 и мн.др.), её антипод, грубость, заинтересовал исследователей не в пример меньше. Между тем, представляется, что роль грубости в обществе ничуть не менее значительна, чем роль вежливости, при всём их внешнем различии.

Дело в том, что как вежливость, так и грубость в своих типичных проявлениях суть два противоположные способа достижения одной и той же цели, а именно получение выгоды пользующимися этими средствами. Образно выражаясь, вежливость можно сравнить с мирными переговорами двух соперничающих держав, а грубость – с военными действиями, при том, что в обоих случаях речь идёт, допустим, о праве на владение некоторыми ресурсами.

Можно попытаться представить себе взаимоотношение враждебных и дружественных отношений в виде цепочки, где элементы расположены по мере убывания враждебности.

«Горячая» война – холодная война – дипломатические этикетные отношения – мир – дружба. Разумеется, последний элемент – «дружба» отнюдь не обязателен, но в принципе возможен.

Соответственно на бытовом уровне эта цепочка может выглядеть следующим образом: драка – перебранка – соблюдение этикетных отношений – (возможно) дружба.

Как видим, холодная война, которая на вербальном уровне равнозначна перебранке, занимает в этом ряду срединное положение, последнее звено враждебности перед переходом к мирному сосуществованию.

Вербальную агрессию можно, таким образом, рассматривать как:

- а) угрозу нападения, предупреждение об агрессивных намерениях, но и как
- б) вербальную замену физического воздействия, то есть как смягчающий акт. Что бы ни говорили об огромных возможностях слова («Слово лечит, слово и калечит»), большинство из нас предпочтёт быть обруганным, нежели получить удар кирпичом по голове. Более ста лет тому назад в одном английском научном журнале было написано: «Человек, который первым обругал другого, вместо того, чтобы раздробить ему череп, заложил основы нашей цивилизации». Ниоим образом не одобряя грубое поведение в любом виде, согласимся, что она, по крайней мере, заслуживает получения права гражданства. Холодная война лучше «горячей», перебранка предпочтительнее драки.

В онлайн-ом Философском словаре можно прочесть:

Грубость – отрицательное моральное качество, характеризующееся пренебрежением культурой поведения, противоположно вежливости. Будучи одним из высших проявлений неуважительного отношения к людям, Г. выражается в откровенной недоброжелательности к окружающим, в невнимании к чужим интересам и запросам, в беззастенчивом навязывании другим людям своей воли и желаний, в неумении сдерживать своё раздражение, в непреднамеренном или намеренном оскорблении достоинства окружающих людей, в развязности, сквернословии, употреблении унижительных кличек и прозвищ, в хулиганских действиях»

В этом развёрнутом определении обращает на себя внимание бесспорное противопоставление грубости и вежливости, а также указание на то, что грубость может выражаться как действиями, так и вербально. В настоящем исследовании рассмотрению подвергается прежде всего грубость словесная, хотя и физическое её проявление не может оставаться нерассмотренным.

Но сказанное не означает, что вежливость и грубость противоположны зеркально, то есть там, где у одной «плюс», у другой непременно «минус». Представляется, что всё сложнее, особенно если учесть, что перед нами несомненный континуум, в котором один тип поведения плавно перетекает в другой.

В любом случае, если вежливость поддаётся подробной классификации, что мы видим в соответствующих исследованиях, классифицировать можно и грубость.

Правда, здесь необходима оговорка. В отличие от тщательно разработанных норм вежливости, где существуют свои правила на все случаи жизни, где имеет место подробная градация степени вежливости, грубость – понятие, тавтологично выражаясь, более грубое, буквально «без-церемонное», отчего классификация не может быть такой же дробной по определению.

Выше уже называлась грубость физическая и вербальная. Вежливость, естественно, тоже может быть физической и вербальной, но в случае грубости разница более значительна. И дело здесь не только в том, какая из них сильнее.

Т.В. Ларина различает вежливость абсолютную – на уровне семантики и относительную – на уровне прагматики (Ларина 2009: 163-164). Соответственно можно попытаться разделить и грубость на абсолютную – это, например, ударить кулаком, намеренно толкнуть или показать средний палец. То есть перед нами прежде всего грубость физическая или визуальная. Вербальная грубость – это, главным образом, грубость прагматическая, то есть такая, которая воспринимается соответственно нормам данной социальной группы. Практически в каждой социальной группе – свой «концепт грубости». Как и вежливость, грубость национально-специфична. В книге Т.В. Лариной убедительно показана разница англоязычной и русской стратегии и тактики вежливости. Однако из того, что существуют более или менее вежливые нации, естественно должно

следовать, что более вежливая нация уже по одному этому должна казаться другой нации менее грубой. И наоборот.

Разумеется, большая или меньшая степень грубости (вежливости) может быть выявлена только в сравнении. Принятые в той или иной культуре нормы вежливости – грубости воспринимаются – и справедливо – как единственно возможные. Дело в том, что грубость – величина дискурсивная и не может рассматриваться изолированно, вне контекста, а контекст в данном случае – это и социальная (или этническая) среда, в которой определённый акт может восприниматься, а может и не восприниматься как грубость. Вежливость – это когда говорящий воспринимает собеседника как заслуживающего такого же уважения, как он сам, или даже более уважаемого. Грубость же – это стремление понизить статус оппонента, показать, что оппонент социально, умственно и т.д. находится на более низкой ступени, чем говорящий. Если я говорю собеседнику «Дурак!» этим самым я утверждаю, что имею право судить о его уме, стало быть я умнее его.

Что грубее, а что менее грубо, в большей степени зависит от адресата: для него, например, мат может оказаться не так груб, как издевательское оскорбление без единого грубого слова, вроде «Иди отсюда!» Ср. две паремии «Собака лает, ветер носит» и «Ему плюнь в глаза, а ему всё божья роса». В первом случае адресат достаточно спокойно относится к грубости со стороны адресанта, он воспринимает грубость как грубость, иначе он не называл бы речь оппонента «собачьим лаем», но обязательный в случае грубости эмоциональный «снаряд» не взрывается. Во втором случае изображается человек бесстыдный, отчего грубость на него тоже не действует.

Тем не менее, есть, так сказать, грубость и грубость. Рассмотрим несколько её разновидностей.

Прежде всего это **грубость отторжения**, сознательное стремление буквально или вербально оттолкнуть оппонента, оскорбить его, унижить его достоинство. Это, разумеется, физическое воздействие (удар, пощёчина, резкое отталкивание), но и обзывание, проклинание, всевозможные обсценизмы.

Существенная оговорка. Само понятие отторжения достаточно двусмысленно. О, если можно так выразиться, положительном отторжении будет сказано чуть ниже. Грубое отторжение подразумевает нежелание не просто общаться, но даже видеть оппонента (Ср. «Иди отсюда, чтоб мои глаза тебя не видели!» «Сгинь!»). Можно предположить, что расселение человечества по всей территории земного шара было продиктовано не просто недостатком охотничьих угодий, пахотной земли, воды и проч., но также и ссорой из-за скудных ресурсов и желанием как можно дальше отодвинуть соседа, а соседу – как можно дальше «отторгнуться», уйти от соперника. Разумеется, процесс такого отторжения включал как войны, так и перебранки. Имеются многочисленные наблюдения этнографов над ритуальными обменами грубой руганью, издевательствами, оскорблениями двух враждующих племён. Что особенно интересно, были случаи, когда два войска, стоящие друг против друга, обменявшись грубыми оскорблениями, успокаивались и расходились, не произведя ни единого выстрела.

Очевидно, таким образом, что грубость отторжения соседствует с **грубостью катартической**, когда «выругался и полегчало». В данном случае возможна и грубость физическая, когда человек в гневе крушит всё вокруг. Но чаще речь идёт о грубости вербальной, когда сознательное нарушение общепринятого табу доставляет нарушителю такое же удовлетворение, что, скажем, разбитая тарелка в ходе семейного скандала. Ср. рассказ великого культуролога Ю.М. Лотмана о своих военных переживаниях:

«Было совершенно пустынно. Сил не было абсолютно, но я нашёл способ их поддерживать: я шёл и стрелял трассирующими патронами в небо, один за другим. Это каким-то странным образом позволяло пересилить чувство потерянности. При этом я во весь голос выкрикивал самые непечатные ругательства. Смесь выстрелов и моей дикой

ругани странным образом поддерживала. Наконец, я перешёл последний приток, бухнулся на землю и снова тут же уснул. Переправа через Дон была закончена» (Лотман 2003: 25).

Частью подобной стратегии можно назвать **«начальственную грубость»**, стремление унижить подчинённого с целью показать, кто здесь хозяин. Естественно, это грубость односторонняя:

Сегодня с денщиком:

ору ему
-эй,
наквасть
штиблетину,
чтоб видеть рыло в ней! –
И конечно, -
к матушке,
а он меня
к моей,
к матушке,
к свет
к Елизавете Кирилловне!

(В. Маяковский)

Как видно из этого примера, ответная грубость воспринимается как недопустимое отклонение от нормы.

Можно выделить **грубость как проявление распушенности**, демонстративного пренебрежения этикетом. Яркий пример – поведение известного салонного куафёра Зверева, который, судя по многочисленным упоминаниям, пользуется самыми грубыми обценностями в любой аудитории. Причём ленивая интонация свидетельствует здесь об отсутствии какой бы то ни было эмоциональной необходимости сквернословия. Очевидно, что сознание полной безнаказанности и уверенность, что ответного хамства не последует, дают грубияну полную свободу самовыражения.

Примыкает сюда **грубость «аристократическая»**. В отличие от ругателей типа Зверева, здесь авторы сквернословят только в «своей компании», подчёркивая свой «демократизм». Многочисленные примеры – в актёрской среде, но особенно – в среде военного и политического руководства. Примеры наиболее известных сквернословов русские императоры (Петр Первый, Александр Третий), политические лидеры (Черномырдин, Горбачёв), военачальники (Жуков) и мн. др. Вероятно, местами этот тип грубости смыкается с грубостью начальственной: трудно предположить, что на мат Александра Третьего его подчинённый, даже высокого ранга, отвечал матом же. Но, скорее всего, в среде равных даже высокообразованные люди могут позволить себе грубую брань, совсем не обязательно спровоцированную стрессовой ситуацией.

Ср. любопытное наблюдение. Цит. по книге А. Плуцер-Сарно (Плуцер-Сарно 2001: 30):

«Ю.М. Лотман в своих лекциях приводил такой пример. «Однажды Горький приехал в гости в Ясную Поляну к Льву Толстому. Во время разговора Толстой обильно уснащал свою речь нецензурными выражениями. Горький, которому хотелось выглядеть в глазах великого писателя не босяком, а русским интеллигентом, очень обиделся: он подумал, что Толстой, разговаривая таким образом, подделывается под народную речь. Но Горький, - заканчивал свою речь Юрмих, - ошибался. Толстой этим наоборот хотел показать ему, что он свой, потому что он говорил так, как говорят в высшем обществе».

Пример из совершенно иной социальной сферы:

«Они разложили маленький огонь от комаров, вывалили на газету разваренную рыбу. По кругу гулял родимый гранёный. Говорили они, употребляя в десятках вариантов

одно и то же слово. Меня они застеснялись, но я употребил ещё один вариант этого же слова и стал как бы свой» (В. Крупин).

Можно считать, что здесь перед нами грубость как средство **выражения «классовой солидарности»** в смысле знаменитой кипплинговской формулы из «Маугли»: «Мы одной крови, ты и я!»

В определённой мере к этой группе можно отнести и **грубость как проявление панибратства**. Это «добродушная грубость» типа «Привет, падла, что-то тебя давно не было видно!» По сути дела, о грубости здесь говорить можно только в силу употребления соответствующего словаря, говорящий явно настроен дружелюбно, о чём обязательно свидетельствует и доброжелательная интонация. Вероятно, в данном случае уместно употребить выражение «грубая вежливость». Перед нами «псевдогрубость», попытка скрыть дружеское расположение под маской грубого обзывания. Ср.:

«А Ермолаев говорит: «Вы такая сволочь, такая настоящая сволочь, такая хорошая сволочь, что вы лучший в спектакле». Уланова с Тимофеевой тоже поздравляли» (М. Лиёпа. Огонёк, 1989. №35).

Взрывчатая сила грубости заметно снижается, когда она выражается физически – в дружелюбном толчке, даже весьма ощутимом, а также вербально в виде такого «искусства». Подлинные оскорбления, как правило, лишены какого бы то ни было намерения блеснуть выразительностью, они сильны прежде всего своей примитивностью, безыскусностью и тем эмоциональнее. Подобным образом мы, в потрясении от смерти дорогого нам человека, говорим «умер», а не «ушёл в лучший мир», «покинул нас» и т.п. Набор рифмованных непристойностей поэтому скорее смешит, чем раздражает.

Обращает на себя внимание, если можно так выразиться, **«плотская грубость»**, когда агрессивность, неизбежная в сексуальном опыте, дополняется грубым, намеренно сниженным языком, который, тем не менее, выражает нежные чувства.

. Хороший пример – в «Любовнике леди Чаттерлей» Д. Лоренса:

“Th’art good cunt, though, aren’t her? Best bit o’ cunt left on earth” (...)

“All on’t,” she teased. “Cunt! It’s like fuck then.”

“Nay, nay! Fuck’s only what you do. Animals fuck. But cunt’s a lot more than that. (...) Cunt! Eh, that’s the beauty o’ thee, lass?”

Слово cunt посегодня считается самым грубым словом английского языка, как и его соответствие в русском. Однако в данном примере это – выражение высшей формы интимности. Таким образом, перед нами снова пример «псевдогрубости».

В данном случае снова трудно говорить о грубости как орудии агрессивности. Точнее говоря, перед нами именно агрессивность, но агрессивность, присущая всем говорящим и присутствующим, агрессивность как способ существования, своеобразный *modus vivendi*. В этом смысле «мы матом не ругаемся, мы на нём разговариваем».

Ср. в этой связи известный анекдот, в котором дворник на собрании говорит:

«Как ёб твою мать, так ёб твою мать, а как ёб твою мать, так хуй».

Председатель собрания интерпретирует:

«Он хотел сказать: «Как работать, так Хабибуллин, а как путёвки в санаторий, так начальнику ЖЭКа».

В условиях определённой субкультуры человек, который не «разговаривает матом», воспринимается как «чужой» и, по определению, враждебный. Ср. слова уголовного, обращённые к И. Губерману, вспоминающему своё тюремное прошлое:

«Ты в лагере будешь нормально жить, потому что ты мужик нехуёвый, но если ты, земляк, не бросишь говорить «спасибо» и «пожалуйста», то ты просто до лагеря не доедешь, понял? Раздражает меня это. Хоть и знаю, что ты привык, а не выёбываешься».

В определённых случаях такую грубость можно рассматривать как **грубость фатическую**.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что грубая ругань, как и грубое поведение вообще, достаточно часто представляет собой некую имитацию ненависти,

когда «он меня пугает, а мне не страшно». Подчеркнём в этой связи ещё раз, что распространившаяся в последние десятилетия тенденция к огрублению речи, - как мы видим это, например, в России и Великобритании – позволяет говорить об известной нивелировке грубого словаря, когда слово, оставаясь грубым, в значительной мере теряет свою взрывчатую силу. «Детонирующие запятые», вставляемые в речь, сообщают ей известную эмоциональность, что и является едва ли единственной задачей таких «запятых». Это заставляет относиться к такого рода грубости довольно снисходительно. В то же время «настоящая грубость» по-прежнему осуждается обществом.

Существует стратегия вежливости и стратегия грубости. Стратегия вежливости разработана тщательно и легче поддаётся классификации. Подробно описаны определённые «вежливые ритуалы». О «ритуалах грубости» говорить трудно уже хотя бы потому, что, во-первых, как указывалось выше, грубость лишена нюансов, присущих вежливости, а во-вторых, восприятие грубости в большей степени зависит от «принимающей стороны». «Спасибо!», «Большое спасибо!» и «Я вам благодарен по гроб жизни!» расположены по возрастанию вежливости, в то время как «Прочь отсюда!», «Сгинь!», «Пошёл вон!» и даже «Иди ты на...!» могут восприниматься с разной степенью отторжения в зависимости от обстоятельств.

Однако стратегия грубости, без сомнения, существует. Особенно хорошо это видно, когда сопоставляются несколько культур.

В русской речевой практике существует всего несколько основных бранных слов и огромное количество их вариантов. Причём чем виртуознее эти варианты, тем слабее их взрывная сила. В случае вежливости дело обстоит противоположным образом: развёрнутая, изысканная вежливость ценится, как правило, больше (исключение – когда она используется с целью иронии, сарказма, издевательства).

В большом числе национальных культур самые сильные оскорбления наносятся с помощью идиом, основанных на сексе. В немецкой культуре акцент делается на концептах грязи, нечистот, экскрементов. Есть культуры, предпочитающие грубые богохульные инвективы. Изредка встречаются культуры, вообще избегающие грубый язык (подробнее – см. В.И. Жельвис (2001: 60 и др.).

Однако стратегия грубости не ограничивается только выбором словаря оскорбительного репертуара. Перечислим здесь некоторые отличия поведения носителей разных культур, когда то, что считается грубым в одной культуре, оказывается вполне приемлемым в другой. Другими словами, разные культуры пользуются разной конвенциональной стратегией.

Так, для русской культуры несколько странным и чрезмерным кажется стремление некоторых западных культур по возможности избегать прямого обращения к собеседнику, особенно незнакомому. Поэтому вместо обычного русского «Вы выходите на следующей остановке?» носитель таких культур предпочтёт сказать «Извините, следующая остановка – моя!», вместо «Вы последний в очереди?» вежливее звучит безадресное «Где кончается очередь?», вместо «Как пройти на почту?» - «Извините, я ищу ближайшее почтовое отделение» и т.д.

Иногда грубым может показаться сухой вежливый язык. См. пример у Г. Триандиса (2011: 254):

Благодарственное письмо одного из руководителей Иорданского университета (в сокращении):

«Благодарю Вас за исключительное гостеприимство, которое Вы проявили с исключительным достоинством и великодушием. Все Ваши гости, дамы и господа, были исполнены благородства. Программа нашего визита также была исключительно благоприятна».... Всё это арабское красноречие относилось к неформальному обеду из гамбургеров и безалкогольных напитков. Триандис пишет, что в арабской культуре простое «благодарю Вас», вероятнее всего, было бы воспринято как исключительно формальный, если не сказать оскорбительный, ответ.

Жестовая грубость в русскоязычной культуре тоже носит в определённой степени национально-специфический характер. Грубо проходить между рядами сидящих к ним спиной (ср. в англоязычной практике грубо как раз лицом). В англо-саксонской культуре грубо давать непрошенные советы; в русской культуре любой совет, поданный в приемлемой форме, обычно расценивается как желание помочь.

В некоторых культурах особенно ценится тихая и спокойная интонация, а громкая речь воспринимается как грубая.

Существует мнение, что в настоящее время, когда отношения между людьми повсеместно принимают всё более и более отчуждённый характер, резкость интонации и грубость вокабуляра могут выступать средством привлечения внимания к говорящему, средством громко заявить о его существовании.

Особого рассмотрения заслуживает отношение к «стратегии дистанцирования» (Brown, Levinson 1987:129, Ларина 2009:172). Вежливость дистанцирования, она же – негативная вежливость, в терминологии этих авторов, направлена на установление дистанции с целью продемонстрировать уважение к собеседнику. С этой целью создаются искусственные барьеры, преграды, буквально материальные, равно как и условные. Ср. англ. поговорку *Good fences make good neighbours* – «Надёжные ограды делают надёжнее дружбу соседей». Предполагается, что соблюдение определённой дистанции помогает сгладить противоречия, избежать нежелательного вторжения в чужие дела, содействует «сохранению лица».

Однако, как было показано выше, ту же стратегию дистанцирования в прямо противоположном смысле использует грубость. Вежливость тактично отстраняет, грубость отталкивает, изгоняет, отторгает. Соответственно можно сопоставить максимальное сокращение дистанции в случае интимной близости и драки: физический контакт практически одинаков, но намерения совершенно другие, даже противоположные.

Дистанция между двумя вежливыми людьми должна существовать, но не превышать определённой величины, после которой возникает отчуждённость. При этом величина соответствующего расстояния носит национально-специфический характер. Нарушение правил в данном случае может привести к непониманию, конфликту, культурному шоку. Два же бранящиеся человека отсылают друг друга на максимально далёкое расстояние, наиболее желаемый пункт назначения для оппонента здесь преисподняя или смерть. В случае усиления конфликта стороны, наоборот, могут приближаться на как можно более короткое расстояние, нарушая вежливые барьеры, намеренно вступая в личное пространство оппонента (толкание, драка).

Ссылаясь на Хоуэлла (1982), Г. Триандис (2011, гл.7 «Культура и коммуникация»), предлагает коммуникантам чётко осознавать уровень своей **компетенции**. Неосознаваемое отсутствие своей компетенции, говорят авторы, может привести к неправильной интерпретации чужого поведения как грубого. Здесь возможны следующие варианты.

1. Некто грубит, не осознавая, что так поступает, по причине незнания чужой (суб)культуры.

2. Вам грубят, а вы не знаете, как в таких случаях следует поступить в рамках данной (суб)культуры. Пример остроумной реплики: в транспорте хулиган оскорбляет старика:

- Тебе, дед, в могилу пора!

- А ты со своей наглостью, и туда раньше меня успеешь!

3. Мне грубит представитель другой (суб)культуры, пользуясь приёмами, известными ему и непонятными мне, отчего я могу даже принять его слова за комплимент, к восторгу инвектанта. Пример – обращение «голубь» в субкультурах, где это слово означает пассивного гомосексуалиста.

4. Наконец, мне грубят, но я знаю, как в таких случаях следует отвечать: Наиболее невинные примеры:

- Дурак!
- От дурака слышу.
- Английский вариант:
- You're a fool!
- You're another!

В случаях (2) и (4) можно уже говорить об осознаваемой компетентности (т.е. я знаю правила, хотя они и не мои), и о неосознаваемой компетентности (когда я отвечаю автоматически, не задумываясь, привычно).

Приведённые выше краткие заметки о природе грубости призваны убедить в необходимости дальнейшего изучения этого важного коммуникативного феномена. В числе возможных путей такого изучения можно назвать создание соответствующего словаря. Существуют словари вежливого вокабуляра. Возможно ли создание аналогичного словаря грубости? Довольно многочисленные словари бранных выражений пока мало структурированы. Желательно появление таких словарей, где были бы главы, посвящённые желанию прогнать оппонента, опозорить его, проклясть, высмеять и т.д. Семантический и культурологический анализ таких списков мог бы оказаться полезным пособием для изучающих феномен агрессии и его проявление в разных культурах.

Ниже приводится слегка сокращённый список ответов 530 русских информантов обоего пола и разного возраста, которых попросили привести примеры поступков, которые они считают грубыми. Значительная часть ограничилась общими ответами, иногда с небольшими уточнениями. Многие дали вполне конкретные ответы. Итак, по их мнению, грубость это:

- агрессия;
- неуважение к человеку, другим людям, детям, инвалидам, к чужой собственности;
- несоблюдению субординации, дерзость;
- вариант неуважения: не уступить место в транспорте беременным, пожилым, инвалидам;
- драка, рукоприкладство в ответ на критику, толкнуть девушку, бить ребёнка, когда без объяснения причин бьют человека;
- хамство, хамить, хамство в речи, со стороны обслуживающего персонала, хамство старшему, хамство + ненормативная лексика;
- брань грубая, нецензурная, мат, кричать прилюдно нецензурными словами, нецензурная брань в адрес прохожих;
- оскорбление, унижение человека, публичное оскорбление без последующего извинения;
- угроза;
- унижение заведомо слабого человека, беспричинное унижение другого человека;
- крик, громкий крик в присутствии незнакомых людей, орать на подчинённых;
- толкать, лезть без очереди, расталкивать, лезть без очереди со словами «Мне только спросить», вторжение в личное пространство незнакомых людей;
- курение в общественном месте, дым в лицо;
- пьянство (в общественном месте), приход пьяным на работу, пить в общественном месте, девушка, пьющая пиво на лавочке;
- когда пьяные пристают и просят денег;
- отправление естественных надобностей на улице;
- плохие манеры;
- воровство;
- хулиганство;
- хабалистость;
- резкий отказ;
- отказ в помощи, видеть, что нужна помощь и не помочь, равнодушие;
- невнимание к собеседнику, когда человек не слушает собеседника;

высокомерие;
раздражённость;
распущенность;
неадекватная реакция на лёгкий юмор;
отсутствие контроля за своими действиями;
в ответ на требование что-то подать, швырнуть;
не отвечать, когда к тебе оброазщаются и демонстративно отворачиваться;
стоять спиной к человеку, зна, что он стоит лицом к вам;
опоздать и войти без извинения;
зевать во время разговора;
перебивать говорящего;
отчаянно спорить;
конфликтовать, выяснять отношения в общественном месте;
вести себя шумно в общественном месте, шум соседей на лестничной площадке и

т.п.

громко возмущаться и приставать к чужим людям;
жестокая оценка другого человека;
разговаривать о деньгах;
вмешиваться в чужой разговор со своими комментариями;
захлопнуть дверь перед носом;
когда ты закрываешь дверь, а кто-то говорит: «Потише можно?»
на заплатить за проезд в общественном транспорте;
требовать жалобную книгу в грубой форме: «Дайте мне быстро!»
звонить ночью;
включать громкую музыку или телевизор после 23.00;
невнимание к просьбе не хrustеть в кинотеатре, к просьбе не курить;
фамильярность;
обращаться на «ты» к незнакомым людям, к старшим по возрасту;
слушать музыку с мобильного телефона в транспорте;
громкая речь в транспорте\на концерте во время выступления;
разговор по телефону во время киносеанса;
пререр4аться с учителем;
не поздороваться с учителем вне школы;
разговор учеников во время урока;
спорить со взрослыми;
вызывающее поведение подростков в общественном месте;
брать без разрешения чужие вещи (даже хорошо знакомого человека);
рукоблудие и совокупление на людях;
кашлять не прикрываясь;
сморгаться на асфальт;
плеваться, рыгать, плевки в присутствии других людей, плевать жвачку;
мусорить на улице, бросать мусор мимо урны;
неумение улыбнуться, извиниться в неловкой ситуации;
плясать на столе;
задирание ног на стол;
публичное обнажение;
сидеть в вызывающей позе;
мучить животных.

Первое впечатление от этого списка – отсутствие осознаваемой грани между грубостью и другими проявлениями осуждаемого поведения. Угроза может быть выражена в грубой форме, но может быть облечена в изысканные выражения; оскорбление без извинения – это, конечно, грубость, но извинение не меняет сути грубого

поступка; точно так же беспричинное унижение, вероятно, можно считать грубостью, а унижение, вызванное пусть даже обоснованной причиной?

Пьянство, безусловно, осуждается, но правомерно ли его считать именно грубостью? Девушка, пьющая пиво на лавочке, демонстрирует свою невоспитанность, плохие манеры, но невоспитанность и грубость вряд ли можно ставить на одну полку.

Совсем смущает отнесение к грубым поступкам воровство, мучение животных или проезд «зайцем». «Плясать на столе» - поступок экстравагантный, но, вероятно, там, где он обычно имеет место, он вряд ли воспринимается окружающими как грубый.

В ряде культур перебивать говорящего недопустимо и, безусловно, грубо. Однако к русской культуре это вряд ли относится, так же как и разговор о деньгах.

Таким образом, данный список можно рассматривать только как первое приближение к социально важной теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ларина, Т.В.** Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Языки славянских культур, 2009.
2. **Лотман, Ю.М.** Не-мемуары. //Ю.М. Лотман. Воспоминание души. – СПб: Искусство, 2003.
3. **Плуцер-Сарно, А.** Большой словарь мата. Т.1. – СПб: Лимбус Пресс, 2001.
4. **Триандис, Г.К.** Культура и социальное поведение. Москва: Форум, 2011.
5. **Философский словарь.** (<http://www.onlinedics/slovar/fil/g/grubost.html>)
6. **Brown P., Levinson S.D.** Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.